

УДК 316.46+323.2

А.И. Лысюк**ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА: СТРУКТУРА И ДЕТЕРМИНАНТЫ**

В данной статье осуществляется анализ структуры и детерминационного потенциала образов политических лидеров. Дается критический анализ концепций, исследующих образы политических лидеров и электоральные ожидания от них. Указывается на системное качество образов лидеров, соответствующее требованиям определенных культурно-исторических систем. Констатируется, что мотивационная доминанта образа политического лидера представлена культурологическими факторами. Определяется их содержание, структура и основные элементы, включая иррациональный и эстетический компоненты, равно как и их электоральный потенциал. Исследуется архетипическая основа образов политических лидеров – архетипы Отца, Пророка и Героя. Отмечается важность презентации в политическом пространстве целостного образа политического лидера, обладающего функциональным единством, укорененным в национальную традицию и национальную политическую культуру.

Введение

Историческая практика показала, что по причине особенностей процессов социальной перцепции в системе политического лидерства основным агентом коммуникации выступает сама фигура, личность лидера, инициируя и стимулируя у последователей процессы персонификации. «В любых исторических условиях, – пишет Г. Дилигенский, – выбор политической ориентации лишь у меньшинства людей совпадает с выбором политической концепции. У большинства политический выбор связан с выбором персонифицированным: ориентация персонифицируется в политическом лидере или организации, образы которых персонифицируются с теми предпочтениями, в которых выражаются политические интересы людей... Чувственно воспринимаемый образ политиков – это для большинства людей единственно доступный источник суждения о гарантиях осуществления разделяемых ими политических целей... В постсоветской России персонификация носит гипертрофированный характер: при отсутствии ясных политических программ и последовательно осуществляющих их партий, приходится ориентироваться на отдельных деятелей» [1, с. 336–337, 340]. Можно добавить, что в настоящее время процессы персонификации политического пространства усиливаются по причине информационной революции и интенсивной виртуализации политического пространства.

Действительно, современный политический мир наполнен множеством образов политических лидеров, принимающих действенное участие в форматировании политической идентичности разнообразных социальных акторов, что является закономерным результатом «становления открытого информационного пространства, в котором политическая коммуникация осуществляется посредством легко доступных обывателю сознанию символов и форм... Сами образы (вернее, их репрезентация, «картинка», отражающая набор стереотипных представлений о носителе образа) оказываются объектом массовой культуры, привычной частью повседневного обихода» [2, с. 7]. Данные социологических исследований свидетельствуют, что во время избирательных кампаний многие люди делают выбор в пользу политических персон, соответствующих их представлениям об идеальном образе политического лидера, укорененном, в свою очередь, в исторические прототипы.

При изучении образов политических лидеров исследователи чаще всего акцентируют внимание на двух факторах. С одной стороны, на анализе предельно обобщенных символических образов лидеров, игнорируя при этом присущие им конкретные

личностные и политические качества, что придает исследованиям подобного рода известную схоластичность. Как следствие этого, у значительной части населения возникает когнитивный диссонанс, основанный на расхождении между сложившимися образами политических акторов и их конкретным наполнением.

С другой стороны, ряд ученых, особенно современных, отдают предпочтение узкому эмпиризму, основанному на теории «черт лидера», связанному с выделением нескольких универсальных качеств политического лидера и игнорирующему как историко-культурный контекст его деятельности, так и целостность его восприятия избирателями. К тому же, как известно, исследования подобного рода оказались тупиковыми, поскольку полученные в их рамках результаты противоречили первоначальным гипотезам, и, кроме того, оказалось невозможным обнаружить и тем более обосновать универсальные, подлинно лидерские качества по причине их отсутствия как социально-психологического факта. В этой ситуации возникает необходимость преодоления крайностей обоих подходов и создания модели образа лидера, обладающего как системным качеством, так и существенным детерминационным потенциалом для последователей (избирателей), что является **целью** данной статьи. Этот образ целесообразно рассматривать с учетом целостности, интегрированности, взаимозависимости всех его элементов, каждый из которых должен гармонизировать и дополнять другие.

Общие характеристики образа политического лидера

Образ политического лидера включает в себя как устойчивые, стабильные, так и переменные характеристики. В первую очередь, ему присуща целостность и качественная определенность, долгое время живущая и воспроизводящаяся в массовом и индивидуальном сознании и выражающаяся в определенном политическом и личностном типаже. Как справедливо отмечает украинская исследовательница Л. Кочубей, «в массовом сознании очевидна... система эталонных типов политических лидеров, которые в научной литературе выступают как имплицитные (глубоко спрятанные, неявные)» и которые «обладают определенными оценочными критериями» [3, с. 186]. Применительно в современной России российский политический технолог А. Максимов выделяет восемь подобных типажей: Гуманитарий, Хозяйственник, Борец, Силовик и др. [4, с. 54]. Широко распространенными являются также лидерские типажы, укорененные в национальную историю, традицию, этос и эпос. В качестве примера можно привести естественное для России авторитарное политическое лидерство, которое является производным от «утвердившихся еще в средние века авторитарно-договорной, авторитарно-утилитарной и авторитарно-патриархальной его форм», которые выражали «исторические элементы российской культуры, образа жизни, национальные российские обычаи» [5, с. 13, 620]. В свою очередь, В. Опанасюк утверждает, что политический успех В. Ющенко в определенной степени основывался на его идентификации с исторической фигурой Богдана Хмельницкого [6, с. 130–131]. В настоящее время ключевой задачей имиджмейкеров в предвыборной ситуации является обнаружение электорального спроса на определенный образ лидера и соответствующее его оформление в информационном пространстве.

Кроме этого, важной характеристикой политического лидера является интерсубъектность, т.е. способность вызывать у определенного социума общее спонтанное, эмоционально позитивное чувство, и это позволяет ему быть интегрирующим фокусом некоей общности людей (последователей), направлять и организовывать их социальную деятельность.

Должна наличествовать также известная гармония между образом реального политического лидера и его искусственной конфигурацией, выраженной в формируемом

имидже, имеющем очевидные пределы воздействия на последователей. Этот образ должен соответствовать и конкретному социальному контексту и социальным вызовам.

Следует учитывать тот факт, что образ лидера имеет не только свою статику, представленную набором определенных компонентов, но и свое деятельное проявление, выраженное в интегрированном единстве осуществляемых лидером функций, совокупность которых обладает конкретно-историческим своеобразием. Некоторые из них ориентированы на реализацию социальной миссии политического лидера (интегративная, коммуникативная, административная, распределения ресурсов и др.). Другие же – на позиционирование в политическом пространстве образа самого лидера (функции идеализации, идентификации, репрезентации и противопоставления).

Очевидно также, что господствующий образ политического лидера существенным образом зависит от совокупности объективных факторов, в первую очередь, от характера политической системы, в рамках которой осуществляется властная деятельность лидера. Украинская исследовательница Н. Юшина отмечает при этом, что «объективные факторы не являются основными в формировании политического образа, но им отводится роль основы того образа, на который накладываются все другие компоненты (коммуникативный, ситуативный, субъективный)» [7, с. 138].

Образы политического лидера обычно являются также персонификацией и выражением определенной культурологической парадигмы. Они по своей природе синкретичны и синтезированы из определенных идеологий и идеологем, укорененных в доминирующих в обществе «культурных образцах»: мифологических, религиозных, национально-этнических, политико-идеологических, моральных, имиджевых, эстетических и др. Кроме того, они культурологически стилизованы и «оформлены» в рамках конкретно-исторических эпох. В средневековье, например, властный образ, по поводу которого у лидеров и последователей наблюдалось тождество интерпретаций, тотально сакрализован и сконструирован религиозной догматикой. В индустриальном обществе, наоборот, в системе политического лидерства доминировала схема политико-идеологических идентификаций, основанных преимущественно на рациональных аргументах.

Как следствие этого, любой властный образ, обладая своим смысловым ядром, одновременно в той или иной степени интегрирует и иные ценностные содержания. В качестве примера можно привести широко распространенный в Советском Союзе идеальный властный образ (культовая политическая персона), который помимо политико-идеологического содержания, обоснованного «научным коммунизмом» и материалистическим пониманием истории, включал в себя и другие составляющие: мифологическую («культ отца»), религиозную («культ высшего существа»), национально-этническую («культ национального лидера»), социально-психологическую («культ личности») и даже сексуальную, в рамках которой глава государства обладает существенной сексуальной притягательностью. Следует отметить также, что лидер государства в определенных исторических обстоятельствах должен и может персонифицировать национальную идеологию.

Архетипические основания образа политического лидера

Исследуя образ политического лидера, целесообразно обратить внимание на его архетипические основания. Архетип в данной работе рассматривается не в «юнговском» (иррациональном) значении в качестве конституирующего элемента коллективного бессознательного, а как властный «первообраз», закрепленный в национальных традициях, коллективном и индивидуальном мышлении, структурах общественного и обыденного сознания и переходящий от поколения к поколению. Имея начало в мифологическом мировосприятии, архетип вызывает у членов политического социума, жи-

вущих в различных исторических эпохах, однотипные чувства и ассоциативно целостные властные образы. В конечном счете, на архетипах «выросла особая интеллектуально-символическая традиция, в соответствии с которой политическое мышление осуществлялось преимущественно в символических формах, создавая и трансформируя не столько идеи, сколько образы» [8, с. 94]. А поскольку, например, образы российских монархов средневековой эпохи воспринимались как образы христианских царей, то с неизбежностью наблюдалась сакрализации не только их власти, но и личности.

Исторически существует три основных архетипа политического лидера: Отец, Герой, Идол/Пророк, – которые воспроизводятся с той или иной силой и которые воспроизводятся современных социополитических обстоятельствах. Каждому архетипу политического лидера при этом присуща некоторая соответствующая постулируемому образу стержневая характеристика: для Героя – мужество, для Отца – справедливость, для Пророка – сакральный дар.

Архетипический образ Пророка связан с «приписыванием» лидеру субстанционально-религиозной природы и наложением религиозной мировоззренческой матрицы на его образ и деятельность, как это, например, происходило в императорском Риме. Важнейшей задачей политического лидера в подобном социальном контексте являлась организация своих взаимодействий с последователями по модели, внешне соответствующей религиозному ритуалу.

Сакрализация первого политического лица государства могла быть санкционирована как «сверху», так и «снизу» – как «персонификация коллективных чаяний» (Е. Дютте), ориентированная на идентификацию с образом правителя-жреца.

Обожествление образа политического деятеля носило не только естественно-исторический характер, но также сопровождалось целенаправленными усилиями по закреплению сакрального образа в глазах последователей посредством организации отдельных аспектов деятельности политического лидера по принципам и подобию религиозного культа.

По мере же развития общества происходили «формализация», «рутинизация» и бюрократизация личностной харизмы, доминирование статусно-ролевого и институционального над личностным и иррациональным.

Образ Отца в системе политического лидерства доминирует в устойчивых традиционных и автократических режимах. Как это, например, происходило в царской России, где «монарх подобен «отцу», а его подданные «детям»... В этом контексте Россия представляла... «семью» с абсолютным отеческим авторитетом и отеческой заботой со стороны власти и церкви» [9, с. 173].

Однако синдром отцовства – это не только далекое прошлое и/или атрибут традиционных обществ. Известно, что Сталин полуофициально именовался «Отцом народов», а государственный лидер Туркмении С. Ниязов получил официальное имя Туркменбаши – «отец все туркменов». За президентом Беларуси А. Лукашенко в обыденном сознании закрепился образ «бабки», отражающего архетипического Отца патриархальной семьи, всевластного и за все отвечающего, строгого, но одновременно склонного к милости. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что и в современной России существует социальный спрос на политическое отцовство: число тех, кто хочет видеть во главе государства «отца нации», составляет 48%, в то время как «современного эффективного управленца» – 42% [10, с. 77]. Правда, в отличие от традиционных обществ, в которых образ Отца выступал консолидирующим социальным фактором, в обществах с отчетливо выраженным модернизационным потенциалом «отцовство» раскалывает страну на непримиримые лагеря.

Нужда в политическом отцовстве основывается на нескольких составляющих. Во-первых, на доминанте политического патернализма. Во-вторых, на императивах

этатизма. В-третьих, на патриархальной либо подданныческой политической культуре. В-четвертых, на принципах традиционализма. В-пятых, на практике политического авторитаризма. В-шестых, на определенных иррациональных основаниях, отмеченных З. Фрейдом, согласно которым в бессознательном социальных масс отложена память о персоне праотца, спроецированная на современных лидеров (вождей). В-седьмых, феномен отцовства укоренен также в религиозной традиции. Российский исследователь М. Краснов отмечает, что «отождествление как вождя, так и нередко главы государства с «отцом нации» или, по крайней мере, присвоение правителем «отцовских функций» онтологически производны от идеи **Небесного отцовства**» [11, с. 27].

Архетипическая фигура Героя чаще всего пробуждается в период социальных потрясений. По этой причине, например, оказалось возможным лидерство Б. Ельцина, воплотившего, по утверждению Н. Щербининой, «извечное нуминозное начало, служившее основанием древнему культу героев... Одномоментный архетипический «выброс» и обеспечил Ельцину первую победу на президентских выборах» [12, с. 50]. Основу же этого «архетипического выброса» составил укоренившийся в российских ментальных структурах миф о тоталитарных вождях как победителях в битвах с «несметными полчищами врагов» в переломных исторических обстоятельствах. В рамках европейской традиции существенную роль сыграли древнегреческий героический эпос, равно как и идея агонального духа как неперемennого атрибута политического лидера в античности.

Структура образа политического лидера

Очевидно, что при всем интересе к личности лидера, основу персонификации составляют, тем не менее, не его личностные качества и мотивы, а олицетворение им определенных социальных и духовных процессов и явлений. «Современный лидер, – отмечает Н. Щербинина, – в момент возрождения мифа о нации автоматически занимает место на пьедестале архетипа истории. Кто лично даст свое имя трансцендентированному символу – вопрос политического везения... Это свойство мифологизации национального путем отождествления общеабстрактного и индивидуально-субстанционального приводит к тому, что любой человек может в принципе выступить персонификатором нации» [12, с. 51]. Государственный лидер при этом начинает восприниматься социумом как персонификатор и выразитель общей национальной идеи, государственного интереса, «исторического дела». Например, эффективность политического лидерства Шарля де Голля во многом связана с тем, что он персонифицировал систему политических ценностей, связанных с нацией, независимостью Франции, Сопротивлением, надпартийностью, став, в конечном счете, целенаправленно и педантично организованным мифом. Президентство Л. Валенсы в значительной степени было обусловлено тем, что он собственной персоной символизировал десятилетнюю борьбу с коммунизмом, народность, единство нации («президент всех поляков»), сильную президентскую власть, мужество и истинную религиозность. Политическое лидерство В. Путина во многом основывается на укорененном в массовое сознание его образе как авторитарном «собирателе земель». В. Ющенко во время «оранжевой революции» смог персонифицировать «европейский выбор» и европейские надежды Украины. Как отмечал А. Круглашов, «европейская мечта двигала сторонниками и активными деятелями «оранжевой революции» и теми, кто проголосовал за президента В. Ющенко». Для них «приход к власти команды В. Януковича символизировал отречение от Европы» [13, с. 314].

Образ лидера включает в себя также ряд личностных параметров, которые являются значимыми для повестки дня публичной политики. Чаще всего политические лидеры символизируют определенные человеческие качества: компетентность или некомпетентность, ответственность или безответственность, решительность или нерешительность, аффективность или ригидность и др. Например, лидерство В. Гавела во мно-

гом основывалось на его моральном авторитете, на его позиционировании в качестве «совести нации».

Учитывая ограниченность формализованных методов изучения образов, современные российские исследователи провели серию эмпирических исследований с целью определить, какие же личностные и политические качества в наибольшей степени должны быть присущи современным российским политическим лидерам. При этом предполагалось, что в последующем уже на стадии анализа эти отдельные характеристики могут быть сведены в единый образ. В результате различными исследователями в соответствии с логикой теории «черт лидера» были выделены десятки характеристик, описывающих образы конкретных политических деятелей: авторитетный, агрессивный, активный, порядочный, понимающий проблемы простых людей, имеющий опыт государственного управления и др. [14].

В итоге получилась довольно-таки противоречивая картина, в очередной раз демонстрирующая ограниченность методологии «черт лидера». Выяснилось, что, с одной стороны, определенная совокупность личностных качеств в одном случае демонстрирует свою притягательность для избирателей, а в ином социальном контексте – нет. С другой стороны, стало очевидным, что набор определенных социально-психологических качеств совершенно недостаточен для форматирования целостного образа политического лидера, который получался чрезмерно эклектичным и произвольным.

Осознание этого факта привело ряд исследователей к мысли о необходимости расширения спектра конкретных параметров образов лидеров включения в их число таких, как личная привлекательность, мотивация власти, и статусно-ролевые характеристики, и коммуникативные стратегии лидеров, и др. При этом уровень их детерминирующего потенциала напрямую связывался с суммой положительных оценок, которую «дает» каждый из этих параметров в восприятии избирателей или же с тем, что отдельные реальные политики по каким-то критериям превосходит других посредством процедуры сравнения в глазах избирателей. Сумма же этих преимуществ, в конечном счете, обеспечивает лидерство тому или иному политическому деятелю.

Однако в реальности выяснилось, что и подобный подход страдает эвристическими дефектами. Так, в целом положительно оценивая отдельных политических лидеров, многие опрошенные не собирались за него голосовать. Более того, оценка тех или иных качеств политиков существенно варьировалась в зависимости от ситуативного контекста. Кроме этого, сквозь призму оценки отдельных качеств не просматривались собирательные образы лидеров.

Образ политического лидера обладает и собственной эстетической составляющей. Феномен эстетического представлен прежде всего сферой выражения и является предметом бескорыстного и самодовлеющего любования. Эстетический компонент в системе политического лидерства предполагает, что лидер должен обладать внешней притягательностью, привлекательностью, т.е. быть, в понимании Канта, и прекрасным, и приятным.

Следует, однако, учитывать, что эстетическое не сводится к внешней выразительности. Как отмечал А. Лосев, то, «что мы называем красотой, или прекрасным, есть определенного рода равновесие между внутренним и внешним, определенного рода достигнутость предназначенного». Таким образом, «эстетическое предполагает прежде всего такую внутреннюю жизнь, которая обязательно дана и внешне» [15, с. 309]. Применительно к феномену политики это означает, что у политического лидера должна наблюдаться гармония, соразмерность его внутренних качеств и внешних характеристик.

В внешние характеристики деятельности политика должны соответствовать определенным критериям. Как справедливо отмечал Аристотель, прекрасное, несмотря на свой самодовлеющий характер, сопряжено с утилитарностью, т.е. с реализацией сово-

купности конкретных интересов людей. Поэтому эстетический синтез не может быть предметом исключительно бескорыстного любования, но предполагает полную «заинтересованность» и чисто жизненную «целесообразность», т.е. он онтологичен по своей природе [15, с. 310]. Следовательно, эстетическое в системе политического лидерства отнюдь не сводится к определенному рода внешней (телесной), дружащей с гармонией притягательности, а сами политики не должны составлять топ-модельный ряд. Но эстетическое безусловно включает в себя реализацию провозглашенных лидером прекрасных целей. Собственно говоря, других целей политики не декларируют.

По этой причине, Аристотель, анализируя прекрасное, указывает на его неразрывную связь с идеей Блага, ее успешной реализацией. И это не только теоретические рассуждения. Как показывают данные современных социологических электоральных исследований, внешность претендентов на лидерские политические позиции обладает периферийным значением для их властного восхождения.

В свою очередь, Благо является деятельным проявлением и осуществлением разумной сферы человека. Следовательно, прекрасным в образе политического лидера является все, что является выражением и отражением его прагматичного рационального начала, основанного на императивах разума и реализующего некую совокупность интересов и ценностей, значимых для социума и отдельного человека.

Следует отметить, что в образе господствовавшего в античности образа политического лидера наблюдалась совпадение, сопряжение морального и эстетического. Как отмечает А. Лосев, «прекрасным может быть, по Аристотелю, только то, что высоко в моральном отношении... Прекрасное доставляет удовольствие от моральной высоты человека» [16, с. 142]. Поэтому совершенно невозможно было представить в ту эпоху политического лидера, лишённого высокого морального авторитета.

Однако не следует думать, что античное представление о красоте являлось исключительно рассудочным. Оно настаивало на определенном рода гармонии чувственно воспринимаемой вещи с ее идейным смыслом. «В своей античной красоте оформляющий ее рассудок сталкивался с живой жизнью тела, но вовсе не оставался в своем противостоянии этой телесной жизни. Он пронизывал ее тем смыслом и той идеей, благодаря которым впервые только она и получала целенаправленную значимость» [15, с. 403]. Поэтому в любом случае внешний облик лидера являлся значимым для политического восхождения фактором и должен был гармонизировать с определенным идейным и смысловым содержанием, им отражаемым и персонифицируемым, являя обществу политика гармонически и всесторонне развитого – продукт гимнастических занятий, мусического искусства и овладения диалектикой.

Таким образом, очевидно, что эстетическое в системе политического лидерства не только характеризуется позитивной внешней телесной выразительностью лидера, но и напрямую связано с его реальным бытием, которое не только адекватно отразило прекрасную идею, но и само демонстрирует силу, совершенство, достоинство, социальную ценность, уверенность и др. Обладание таким бытием дарит высшую радость и удовлетворение не только ее носителям (лидерам), но и тем, кто созерцает их деятельность и является их последователями.

Образ политического лидера во многом является плодом и результатом целенаправленной политики по его искусственному облагораживанию и аттрактивности. В этом отношении весьма нагляден опыт фашистской Германии. Политическое лидерство Гитлера во многом основывалось на специальной стратегии политической эстетизации, включавшей в себя широкий ассортимент средств, инструментов и форм действий, ориентированных на персонификацию в личности Гитлера германской политики, мифологизацию его образа, инсценирование эффективности и аттрактивности его политической деятельности посредством специальных декораций, ритуалов, символов и

политической театрализации, типологизацию индивидов через их деиндивидуализацию посредством идентификации с персоной лидера-вождя.

Определенная часть исследователей исходит из того, что образ политического лидера не является совокупностью рациональных суждений, а есть «преимущественно иррациональное отражение представлений, ощущений, оценок, ассоциаций в широком смысле, которое, подобно ауре, обволакивает все предметы сознания и несет на себе яркий отпечаток субъективного восприятия действительности» [17, с. 133]. В свою очередь С. Нестерова утверждает, что ученые «в большинстве социологических исследований акцентируют внимание на рациональных оценках образов политиков и на намерении за них голосовать. Для более полного осознания установок и ценностей людей необходимо проникнуть в более глубокий и часто неосознаваемый слой установок и ценностей» [18, с. 229].

В качестве примера немногих современных исследований, нацеленных на включение в аналитическое пространство присущего политическим лидерам феномена бессознательного, политико-психологическую работу Е. Шестопаля и М. Новиковой-Грунд, которой часть адресованных респондентам вопросов была предназначена для информации об установках, имеющих осознанный и вербализованный характер, а другая их часть предназначалась для получения информации о неосознаваемых ориентациях опрашиваемых. В частности, респондентам предлагалось найти ассоциации, которые у них вызывает конкретный политик: с животными, с запахами, с цветом и литературными героями, а также определить, что в данном политике им нравится и почему [19].

Со своей стороны, исследование Н. Шелекасовой было нацелено на изучение мини-образов бессознательных тенденций, действующих в глубинах психики лидера и детерминирующих многие аспекты его социально-политической деятельности. Для достижения этой цели были использованы пять методов: а) лингвистический анализ и историческая биография; б) анализ симптома и проблемы; в) физиогномический и кинетико-проксематический анализ; г) онейрический анализ; д) анализ семантического поля [20].

Исследования подобного рода позволяют выявить противоречивость образов политиков, присвоенных людей, поскольку существуют различия их восприятия на сознательном и бессознательном уровнях, т.е. на рациональном уровне, например, лидер может восприниматься как активный и агрессивный, а на иррациональном – как пассивный и толерантный.

Не ставя перед собой цель проанализировать эвристическую ценность подобной методологии, тем не менее, можно сделать вывод о том, что полученные в ее рамках психологические данные сводятся в итоге, счете к фиксации довольно-таки произвольного набора личностных качеств, скрытых от непосредственного наблюдения и определяющих, по мнению авторов, политический успех: активности, агрессивности, привлекательности и др., – что не выходит за пределы теории «черт лидера» в ее психологическом варианте. К тому же вызывает удивление то, что современными авторами не используются классические положения психоанализа, исследующие политическое лидерство. И что особенно важно, отсутствуют даже слабые попытки идентификации, конструирования востребованных политической практикой образов лидеров, равно как и установления связи между иррациональными и культурологическими компонентами образов лидеров, что было характерно для классического психоанализа.

Заключение

Очевидно, таким образом, что образ политического лидера будет обладать действенным детерминационным потенциалом только в том случае, когда будет обладать системным качеством, т.е. все его элементы будут органично взаимодополнять друг друга и соответствовать требованиям определенных культурно-исторических систем.

В этом случае, например, выделяя некий типаж, необходимо, апеллируя к его архетипу и раскрывая его, отразить определенную совокупность ему соответствующих и обычно игнорируемых культурологических особенностей, умноженных на определенные личностные и политические качества и соответствующие им иррациональные интенции, найти определенную гармонию и равновесие между реальностью конкретного образа и его символическим воплощением в имидже, а также обнаружить и продемонстрировать его (образа) функциональное единство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология / Г.Г. Дилигенский. – М. : Новая школа, 1996. – 351 с.
2. Семененко, И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности / И.С. Семененко // Полис. – 2008. – № 5. – С. 7–18.
3. Кочубей, Л. Політичне лідерство і PR – діяльність / Л. Кочубей // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С. 183–190.
4. Максимов, А.А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов / А.А. Максимов. – М. : Дело, 1999. – 448 с.
5. Слизовский, Д.Е. Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы / Д.Е. Слизовский, Н.В. Шуленина. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 645 с.
6. Опанасюк, В. Харизматичний лідер – політична еліта – маси: український досвід взаємовідносин / В. Опанасюк // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С. 126–135.
7. Юшина, Н. Об'єктивні чинники формування політичного образу / Н. Юшина // Науковий Вісник Ужгородського університету. Серія: Політологія. Соціологія. Філософія. – Випуск 12. – 2009. – С. 134–136.
8. Щербинина, Н.Г. Цветовая классификация политических лидеров России: лидер белый, красный и черный / Н.Г. Щербинина // Полис. – 2000. – № 4. – С. 94–104.
9. Ватыль, В.Н. Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса / В.Н. Ватыль. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 279 с.
10. Краснов, М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» / М.А. Краснов // Общественные науки и современность. – 2008. – № 5. – С. 68–79.
11. Краснов, М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» / М.А. Краснов // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 68–38.
12. Щербинина, Н.Г. Политика и миф / Н.Г. Щербинина // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1998. – № 2. – С. 43–54.
13. Круглашов, А. Україна – ЄС: труднощі діалогу А. Круглашов // Політологічні та соціологічні студії : збірник наукових праць. – Том IV. – Чернівці : Прут, 2006. – С. 303–320.
14. Киктева, Н.П. Динамика образов Г. Явлинского и В. Путина в президентской кампании // Полис. – 2000. – № 4. – С. 140–145; Леванский, В.А. Модели политических лидеров и президентские выборы в постсоветской России / В.А. Леванский // Общественные науки и современность. – 2005. – № 5. – С. 74–87.
15. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга 1 / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1992. – 656 с.
16. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1975. – 776 с.
17. Дурдин, Д.М. «Образ» политического лидера и возможности его изменения / Д.М. Дурдин // Полис. – 2000. – № 2. – С. 133–151.

18. Нестерова, С.В. Некоторые особенности восприятия политических лидеров в современной России / С.В. Нестерова // Образы власти в политической культуре России. – М. : Моск. обществ. науч. Фонд, 2000. – С. 228–239.

19. Шестопап, Е.Б. Восприятие образов 12 ведущих российских политиков (Психологический и лингвистический анализ) / Е.Б. Шестопап, М.В. Новикова-Грунд // Полис. – 1996. – № 5. – С. 168–181.

20. Шелекасова, Н.П. Бессознательные аспекты имиджа политического лидера / Н.П. Шелекасова // Полис. – 2000. – № 4. – С. 130–132.

Lysiuk A.I. Image of a Political Leader: Structure and Determinants

In a given article analyzed are the structures and determination potential of political leaders' images. Given is a critical analysis of concepts, which study the images of political leaders and their electoral expectations. Pointed out is the system quality of leaders' images, which correspond to the requirements of certain cultural and historical systems. It is stated, that the motivational dominant of political leader's image is represented by cultural factors. Defined is their content, structure, and main elements, including the irrational and aesthetic components, as well as their electoral potential. Studied is the archetypical foundation of the political leaders' images – archetypes of Father, Prophet, and Hero. Highlighted is the importance of presentation in the political space of the holistic image of a political leader possessing functional unity, which is deeply rooted in national tradition and national political culture.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.09.09